

Русский язык и русская культура в Латвии в 20-е – 30-е годы

Борис Инфантьев

Для того чтобы понять весьма противоречивые и не всегда логически обоснованные явления, связанные с отношением господствующей в 20-е — 30-е годы в Латвии нации к русской культуре, превратившейся отныне в культуру нацменьшинств, надо несколько слов сказать о тех настроениях и взглядах латышей на русскую культуру, которые преобладали накануне этой эпохи — в начале и в первое десятилетие XX века.

Единых взглядов и мнений не было. Те латыши, кто в надежде на материальное улучшение переселились в Россию — в Петербург, Москву, на плодородные земли Новгородской, Псковской губерний, в Поволжье и в Сибирь (судя по реалистическим описаниям из их жизни в пространных романах, повестях, рассказах Антона Аустриня, Виктора Эглитиса, Карла Штраля, Карла Зариня и многих других), быстро ассимилировались. Латыши же Остзейских губерний в непрестанном противостоянии и онемечиванию, и обрусению, постоянно «шлифовали» свои националистические навыки и устремления, что становилось для них единственной возможностью сохранить свою национальность в противостоянии натиску как с одной, так и с другой стороны.

Если в 1919 и 1920 годы еще решался вопрос, что Латвии сулит будущее, то в 1921 году это будущее уже определилось, и латыши — теперь уже непрекословно господствующая в Латвии нация — могли начинать подумывать и

о своих отношениях к культурам меньшинств, в том числе и к русской культуре. Прежде всего — к русскому языку. Барометром в этом деле можно было считать ежегодно проводимые Министерством просвещения опросы учителей и родителей о том, какой язык — русский или немецкий — следует считать в латышских школах первым иностранным.

В начале 20-х годов ответ на этот вопрос еще однозначен — пальма первенства и учителями, и родителями всех регионов Латвии всегда отдавалась русскому языку (за исключением Елгавы, где уже с самого начала преимущество всегда отдавалось немецкому языку).

По этим ежегодно публикуемым отчетам можно ясно видеть, как с течением лет эти отношения постепенно изменяются в сторону усиления авторитета немецкого языка как первого иностранного.

Дискуссия эта с самого ее появления сопровождается многочисленными полемическими выступлениями педагогов, деятелей культуры, политиков. Подробно исчисляются те выгоды — и экономические, и политические, и культурные, и моральные, — которые будут сопутствовать знанию русского языка. Немало и таких выступлений, где не только обосновывается преимущество немецкого как языка мировой культуры и цивилизации, но подчас в ход пускается и политическая пропаганда. И оказалось, что русский язык подвергся злобному политическому осуждению

и правых, и левых политических сил. Правые усмотрели в русском языке «большевистскую пропаганду». Эдвард Вирза, кстати сказать, в начале своей литературной деятельности подвизавшийся на поприще перевода на русский язык для горьковского издания стихов Райниса, теперь клеймит постановку райнисовской пьесы «Илья Муромец» в театре «Дайлес» за пропаганду русского (именно так!) большевизма, а генерал Бангерский выходит в отставку в знак протеста против разрешения Райнисом, тогда министром просвещения, демонстрации кинокартины «Броненосец Потемкин».

С другой стороны, левое крыло латышской культуры видит в русском языке «отрыжку русского монархизма», и никто иной как председатель общества Дружбы Латвии с СССР Павел Розитис пишет и публикует злостный памфлет на обрусителей — «Валмиерас Пуйкас», а газета «Социалдемократс» удивляется, что латышам было мало нагайки казаков в 1906 году, если уж они с таким восторгом приветствуют приезд в Ригу хора Донских казаков, который между тем выступал в Рижском цирке, ибо другого помещения для них не нашлось.

Уже в 1933 г. (за год до переворота Ульманиса) бывшим поклонником Валерия Брюсова, одним из организаторов его трехдневного чествования в Риге в 1914 г., министром просвещения Атисом Кенинем была сделана попытка предварить осуществленный ныне перевод преподавания в старших классах русской средней школы на латышский язык. Благодаря активному противодействию сильных тогда в Сейме меньшинств попытка эта потерпела полную неудачу. Была она частично осуществлена лишь в 1940 г., когда первый и единственный раз поступающие в университет выпускники русских школ должны были писать отсылаемые в университет письменные экзаменационные работы на латышском языке. Так, например, на филологический факультет выпускница Правительственной гимназии Евгения Жиглевич писала сочинение по латышской литературе, переводы с латышского и французского языков на латышский. Все же выпускные экзамены, в том числе по русской литературе, проводились устно на русском языке.

Что же касается преподавания русского языка в латышских школах, он был окончательно устранен после переворота 1934 г. и впредь оставался только в мореходных и непо-

нятно почему в полиграфических училищах. Судьбу русского языка в какой-то мере разделила и русская литература. Прошли те золотые времена, когда во всех залах Латышского общества, окружающих парках и ресторанах на протяжении трех дней 1914 г. чередовались приемы, званые обеды и ужины, посвященные чествованию Валерия Брюсова, или когда латышский поэт и драматург Карлис Екабсонс летал вместе с супругой А. Ремизова на шабаш ведьм у Стабурага...

И в русских школах Латвии литературное образование школьников носило несколько специфический характер, завершаясь обзором творчества Толстого и Достоевского. С Максимом Горьким выпускники русских гимназий познакомились лишь в 1940 году, после не то оккупации, не то инкорпорации Латвии в СССР.

Но и ученики школ согласно утвержденной Министерством просвещения программе должны были знакомиться с «Евгением Онегиным» Пушкина и «Тарасом Бульбой» Гоголя, «Анной Карениной» и «Войной и миром» Льва Толстого. Однако оказывалось, что указания программы были рассчитаны только на рядовых учителей. Любой националистически настроенный учитель мог ввести радикальные изменения в отбор материалов для изучения. Так случилось и с моей судьбой в изучении русской литературы в латышской гимназии. Пришедший на смену моему постоянному учителю радикально настроенный юноша ничтоже сумняшеся заменил и Пушкина, и Гоголя и других писателей Западной Европы — «Калевалой», которые мы читали и изучали наизусть «для формирования националистических и патриотических чувств» наизусть целый год.

Вышестоящие националистические авторитеты, в первую очередь, пресловутый ультрашовинист, директор гимназии Янис Лапиньш предложил исключить из программ гимназического курса «Анну Каренину» и «Войну и мир», заменив эквивалентными произведениями латышской литературы — романом Карлиса Штраля «Карш» («Война») и каким-то адюльтерным романом Аиды Ниедры. Но против такого радикального преобразования выступили не менее националистически настроенные деятели латышской культуры — доценты университета Янис Альберт Янсон и Людвиг Адамович. Кстати сказать, первый обосновывал свое возражение тем, что без зна-

ния романов Льва Толстого трудно понять некоторые произведения латышской литературы. Курс русской литературы читался и в Латвийском университете — для всех желающих его слушать. Обязательным предметом этот курс, однако, не был ни для кого, поскольку ни университет, ни какое-либо другое учебное заведение учителей русского языка и литературы для старших классов русских гимназий нигде не готовили. Предполагавшие стать преподавателями этих предметов должны были сдать соответствующие экзамены при Министерстве просвещения (экзаменовали те же профессора Латвийского университета) и получить соответствующий диплом. Такие экзамены за все двадцатилетие, насколько мне известно, сдали трое преподавателей: бывшие выпускники арабажинских Высших академических курсов Людмила Константиновна Круглевская и Мария Фоминична Семенова; третий был некий бывший офицер царской службы по фамилии Федоров. Курс русской литературы, читанный на протяжении нескольких лет в Латвийском университете профессором Колбушевским, (он чередовался с курсом польской литературы) был результатом исследований самого профессора в области русско-польских литературных связей и с этих позиций представлял большой интерес.

Самым примечательным в этом курсе русской литературы был весьма подробный перечень и анализ переходных повестей из польской литературы в русскую XVI — XVIII веков. Сравнительно большое место уделялось литературе XVIII века, влиянию западноевропейского сентиментализма на русскую литературу. В лекциях много говорилось о большой дружбе Пушкина с Мицкевичем. Но из творчества Гоголя профессор признавал ценным только «Вечера на хуторе...», Хлестакова же называл хулиганом, а «Тараса Гульбу» считал, по понятным причинам, такой ужасной книгой, что в руки школьников ее и давать не следует. Весь курс русской литературы завершался Чернышевским. На нем «история», по мнению профессора, прекращалась. Дальше следовала «современность».

Непреложным литературным авторитетом и для русских, и для латышей на всем протяжении существования Первой республики был Пушкин. Оперы «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», исполнявшиеся все 20 лет только на латышском языке, не сходили со сцены оперного театра. Проводившиеся ежегодно

«Дни русской культуры» всегда связывались с именем Пушкина. Особенно торжественно отмечалась трагическая годовщина 1937 года, в связи с этой датой в Национальном театре был поставлен мюзикл Яниса Грота «Смерть Пушкина».

Русскую общественность Латвии несколько смущало несоответствие таких понятий как «мюзикль» и «смерть Пушкина». Но такое необычное сочетание явилось следствием того обстоятельства, что автор этого произведения Янис Гротс, являвшийся не только замечательным знатоком стихов Пушкина, но и творчества его ближнего круга, решил составить текст пьесы из подлинных стихов всех тех, кто окружал Пушкина в те трагические дни. Таким образом, пьесу Грота можно рассматривать как антологию поэзии 20-х — 30-х годов XIX века в латышском переводе латышского поэта-классика.

Кроме этой пьесы, Гроту принадлежит целый цикл стихотворений о Пушкине и его окружении, также ему принадлежат стихи, посвященные русскому поэту и выражающие его чувства любви и уважения к нему. К тому же к 1907 году относится его первое солидное издание собрания сочинений Пушкина на латышском языке, осуществленное литератором Берманом Добра.

Кстати, тогда ни Анне Петровне, ни самому поэту никаких ни памятников, ни мемориальных досок, ни бюстов поставлено не было, как это сделано в наше время.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что улица Пушкина была так названа еще в царское время и никогда не переименовывалась, как это произошло с улицей Гоголя, ставшей в 30-е годы улицей Саласпилсской.

Вторым авторитетным русским писателем в Латвии 20-х — 30-х годов был Достоевский. Его с латышами связывала замечательный и непревзойденный эссеист Зента Мауриня, в наши дни ставшая как бы символом латышской этической и эстетической полноценности, писательницей, не превзойденной никем в своей области. Достоевского будущая латышская эссеистка полюбила уже со школьной скамьи: училась она, разумеется, в русской школе, и там же за лучшее сочинение о русском писателе была удостоена первой награды. Каждую связанную с Достоевским памятную дату латышская писательница соблюдала так бдительно, что и русским своим согражданам иногда указывала на пропущенные или

забытые ими даты, связанные с тем или иным событием в жизни их соотечественника.

Федор Достоевский, в свою очередь, очаровал и саму Зенту Мауриню, и многочисленных ее почитателей — не только в Латвии, но — после 1945 года — и в изгнании, по твсей зарубежной диаспоре. Латыши были знакомы и с другими русскими писателями, прежде всего с Иваном Тургеневым, Львом Толстым, а позже и с такими, как Владимир Маяковский и Николай Островский.

Полностью отрицая вульгарный материализм, лишаящий человека всего человеческого, Зента Мауриня находила достойным внимания и талант Маяковского, и родственную ей судьбу физического недомогания и страданий Николая Островского.

Что же касается Достоевского, примечательно то обстоятельство, что ее книга о писателе увидела свет сначала на латышском языке, и только потом была переведена на русский язык.

Похожая участь постигла и такого персонажа русской литературы, как Лазик Ройтшванц. Русский читатель смог с ним познакомиться лишь совсем недавно — только в конце 80-х годов, в то время как латыши прочитали знаменитый роман Ильи Эренбурга уже в 1929 году.

Роман печатался с иллюстрациями латышских художников в журнале «Атпута» целый год, в завершение которого Смильгис в театре «Дайлес» по роману поставил спектакль, который затмил собой даже постановку похождения Швейка. Смильгис сочинил концовку в стиле глубоко верующего католика: у могилы матери Рахили появляется сама пра-матерь, которая принимает многострадально-го Лазика в свое лоно.

Как приняли постановку пьесы по мотивам романа латыши? 16 латышских газет и журналов опубликовали положительные, подчас хвалебные рецензии всех ведущих литературных критиков. Еще бы: это ведь был злостный памфлет на советский строй. И только левая печать — Андрей Упит и Эго (Бековский — самый последовательный ленинец, которого в 1940 году первого поставили к стенке!) — отозвались о постановке критически. Один лишь Григулис подметил, что главная чекистка в Гомеле, которая в романе всех сажает в тюрьму, — латышка (Пуке).

Лазик Ройтшванц был не единственным триумфом Эренбурга в Латвии 20-х годов. Ла-

тышские издательства (в том числе и Хелмара Рудзитиса «Граматы Драугс») соревнуются в издании его антивоенных и антиреволюционных романов, выпуская иногда одну и ту же книгу в различных переводах. А. Упит сравнивает молодого автора с Анатолем Франсом, Х. Рудзитис — с Достоевским (!).

Не всем, однако, русским авторам постановки их пьес в латышских театрах приносили одинаковую славу и популярность. Если «Буратино» А.Н. Толстого был принят латышами с ликованием (и, кстати, до сего дня еще значится среди постановок детских театров), то совсем иначе были оценены его «шпионские» или «скандальные» пьесы, как их именovala латышская левая печать. Речь шла о таких пьесах как «Азеф» и «Заговор императрицы».

К русской театральной классике, в отличие от наших дней, латышский театр Первой республики относился резко отрицательно. За все 20 лет на большой латышской сцене был поставлен только один раз «Лес» А. Островского, и то только в бенефис Теодора Лациса, который прославился как Несчастливцев и на русской, и на латышской сценах. Да еще один раз была поставлена Михаилом Чеховым «Смерть Ивана Грозного» А.К. Толстого, в которой сам режиссер исполнял заглавную роль.

На страницах латышских газет и журналов (в этом плане особо следует обратить внимание на журнал «Даугава») публикуются глубокие и вдумчивые статьи о русских писателях в их юбилейные даты и в связи с их посещением Латвии, в связи присуждением Ивану Бунину Нобелевской премии. Среди авторов — не только русские литературные критики. Особенно продуктивен в этом отношении ведущий литератор Янис Грин. Отдавая должное авторитетам золотого периода русской литературы, он с недоверием относится к веку серебряному. Даже увлечение латышских литераторов Брюсовым вызывает у Грина некоторое опасение. Не расположен он к неутверждающему жизнь Чехову, который для Грина, как и для некоторых его единомышленников, всего лишь нытик.

Как это ни удивительно, страницы латышских не только журналов, но и солидных газет отводятся для печатания из номера в номер «Поднятой целины» М. Шолохова, рассказов М. Зощенко, произведений Ильфа и Петрова, других юмористов. Лучшего разоблачения советского строя и коммунистического руко-

водства в демократической Латвии не могли бы даже и придумать!

Печатаются воспоминания латышских литераторов об их бывших встречах с русскими поэтами и прозаиками. Карлис Скалбе в очерках и воспоминаниях рассказывает о своей переписке с Чеховым и Львом Толстым, присылавшими ему по его же собственной просьбе свои художественные произведения, которые малоимущий юноша не мог купить... О встречах с Максимом Горьким в Риге в 1904 году. О том, как К. Скалбе — военный корреспондент в Варшаве вышагивал рядом с другим военным корреспондентом — Валерием Брюсовым и как они обменивались своими новыми стихами. Брюсов в свое время в какой-то степени изучал латышский язык, поэтому вполне возможно, что слушал стихи Скалбе в оригинале.

Андрей Курций вспоминает о своем совместном с Андреем Белым издании в Берлине литературной газеты на латышском языке...

Но, кажется, самым примечательным можно назвать главы романа Виктора Эглитиса, где рассказывается о трехнедельном пребывании А. Ремизова с супругой в гостях у родственников автора романа «Nenovēršamie likteņi»; о стремлении русского прозаика детально ознакомиться с латышским бытом, традициями, древними богами, о постоянных спорах его с латышским писателем о русских и латышских началах. Страницы эти тем ценнее, что получили самую высокую оценку сына Ремизовых, который прочел их в переводе В. Вавере и Г. Сироге, опубликованные в современной «Даугаве».

Не забывают латыши, и прежде всего их писатели, русских мастеров слова и в загробном мире. Свидетельство тому — философско-

морализаторское стихотворение Херманиса Дорбе «Диспут на небесах» («Disputi debesīs») между Бетховеном и Львом Толстым, опорочившим в «Крейцеровой сонате» память о творении великого композитора.

В латышской литературе нашли отражение не только русские поэты и писатели, но и персонажи их произведений.

Поэт Петерис Эрманис свое знание русской поэзии выявил не только в воссоздании стихов Пушкина, Лермонтова, Языкова, Полонского, Некрасова, Надсона, А. К. Толстого, Безымянского, Гольц-Миллере и многих других поэтов на латышском языке, но и в собственном оригинальном стихотворном творчестве вывел не одного персонажа Тургенева, Льва Толстого, Достоевского. Даже тургеневский Рудин в одном из стихотворений Эрманиса руководит непрерывающейся дискуссией многочисленных студентов и курсисток, а в стихотворении «Криевия» («Россия») Лиза Калитина спорит с Алешей Карамазовым о судьбах России, и собирается бросить бомбу в охраняемый Петром Стучкой Кремль, где господствует пятиголовая гидра с лицами Ленина, Троцкого и других узурпаторов.

Тем временем прозаик и романист Арнис в своей пьесе «Likteņa lota» («Лотерея судьбы») вспоминает лермонтовского Печорина, которого приглашает вместе с Фаустом и Донжуаном в латышскую корчму праздновать Иванов день. Латышские девушки явное предпочтение отдают Печорину.

Сказанное, на мой взгляд, подтверждает мысль, что в 20-е — 30-е годы русская литература в Латвии забыта не была.

Более того, особенно популярные писатели и их персонажи приобретают новую жизнь в творчестве мастеров латышского слова.